

Дзин Куросава был тогда слишком молод. И пусть не по годам развитый ум и недетская расчетливость делали его куда взрослее большинства мужчин, в те годы он еще не уяснил одну простую истину: жизнь редко считается с нашими планами.

Особенно жестоко судьба глумится над теми, кто одержим жаждой контроля и страдает излишним перфекционизмом. Именно с ними злой рок играет в самые скверные игры.

А-Эра швырнули в лабораторию.

Подобного исхода Дзин не мог представить даже в кошмаре. Сама мысль о том, что отец затащит А-Эра в Организацию, казалась дикостью: этот мальчишка рос куда более хрупким и болезненным, чем обычные дети.

Иллюзия того, что его хрупкий брат сможет вырасти обычным человеком, разлетелась вдребезги. Теперь Дзин видел иное будущее: им обоим предстоит пройти через мясорубку Организации, осваивая ремесло убийц.

Но Дзин успокаивал себя.

«Ничего, прорвемся. Главное — я буду рядом».

Из тех редких, обрывочных фраз, что когда-то ронял отец, Дзин успел составить представление о методах подготовки в Организации. Самым суровым испытанием там считался финальный этап — королевская битва, где воспитанники должны были безжалостно истреблять друг друга.

А-Эру требовалось лишь одно: научиться искусно маскироваться и тихо пережидать бойню. Дзин сам вырежет всех остальных под чистую. Все казалось предельно простым.

В конце концов, Организация не занималась разведением ядовитых гадов в закрытом кувшине, требуя, чтобы в живых остался лишь один-единственный сильнейший. Выживай как умеешь. К тому же одаренные дети всегда были на особом счету — а иметь сильного старшего брата, готового перегрызть глотку любому врагу, разве не выдающийся талант?

К тому же отец вовсе не был бездушным чудовищем. Только такой недотепа, как А-Эр, мог не замечать, что старик искренне печется о нем. С тем влиянием, которым отец пользовался в верхах, оградить собственного сына от излишних опасностей было делом пары пустяков.

Все эти доводы делали реальность еще более чудовищной. Дзин и помыслить не мог, что А-Эра засунут в виварий для человеческих экспериментов — место, где порог смертности зашкаливал сильнее, чем на любых бойнях для будущих ликвидаторов.

Если в тренировочных лагерях ежегодно выживало в среднем человек десять, то в исследовательских застенках за целый год уцелеть удавалось едва ли одному. Да и тот «счастливчик» обычно оставался там на правах постоянного материала.

Филигранное владение оружием, звериная жестокость и ледяная расчетливость, не покидавшая его даже в самые отчаянные минуты, помогли Дзину вырезать себе путь на вершину. Он стал лучшим среди кандидатов и заслужил право на личные привилегии.

И первой же привилегией, которой он воспользовался, стало право потребовать у отца ответа: какого черта А-Эр оказался в лаборатории?

Сиро Куросава сидел в глубоком кресле и неторопливо чистил пистолет. В душной тишине кабинета монотонно отстукивали секунды настенные часы.

— Кажется, я ясно дал понять, что твоя задача выполнена, — не поднимая взгляда, обронил мужчина. — И в каком же статусе ты сейчас передо мной стоишь, чтобы задавать подобные вопросы?

Он повернул голову к сыну. Его глаза — такого же глубокого темно-зеленого оттенка, как у Дзина, но подернутые мутной пеленой, похожей на болотную жижу или след застарелого гниения, — казались бездонными колодцами. Один его взгляд заставлял кожу покрываться мурашками.

— Зеленый малец, едва переступивший порог Организации? Сын Джина — то есть мой? Или старший брат и надзиратель этого мальчишки? Кто дал тебе право требовать у меня отчет?

Эта вкрадчивая, едва уловимая угроза напоминала мертвую тишину перед сокрушительным штормом. Будь на месте Дзина кто-то другой, он бы уже трясся от липкого страха. Однако юноша лишь крепче сжал челюсти, выудив из отцовской тирады самое главное.

— С происхождением Кагэ что-то не так? — нахмурился он.

Дзин искренне не понимал, какие тайны могут скрываться за спиной этого слабого ребенка. А-Эр был его братом, и точка. Дзин чувствовал это без всяких тестов — на глубинном, инстинктивном уровне, через незримые узы единой крови.

Отец промолчал, но это красноречивое молчание само по себе послужило ответом.

— Он твоя плоть и кровь, — с нажимом повторил Дзин.

— Как ни прискорбно... но да, он действительно мой сын.

«Значит, дело в матери».

Дзин мгновенно пришел к этому выводу, но раскрутить цепочку дальше не получалось — слишком мало крупиц информации было у него на руках.

«А он чертовски умен», — мысленно признал Сиро Куросава.

Отведя взгляд, он лениво провел ветошью по стволу.

— Если хочешь вырвать этого мальчишку из лаборатории, тебе придется доказать свою полезность. И как можно скорее. Все, что тебе дорого, нужно держать мертвой хваткой.

— Иначе, когда потеряешь, будет уже слишком поздно.

Тихий вздох мужчины прозвучал почти как последнее отцовское предостережение.

Когда Дзин молча покинул кабинет, Сиро Куросава еще долго сидел неподвижно, мертвой хваткой вцепившись в рукоять пистолета. Перед его мысленным взором возник образ человека, некогда сгоревшего в очищающем пламени, а следом — бледное личико истощенного ребенка, которого он навещал пару дней назад. Мальчик смотрел на него холодными, абсолютно чужими глазами. Тот взгляд полоснул Сиро по живому, заставив его иссохшую, истерзанную душу содрогнуться от невыносимой боли.

Его затуманенный взор скользнул к запыленному книжному шкафу в углу.

— Учитель...

Для самого А-Эра разлука со старшим братом оказалась скорее избавлением. Ему жизненно необходимо было остаться наедине со своими мыслями, перевести дух — и пускай даже в стенах этой стерильной человеческой бойни.

Благо игровой артефакт сработал как надо, да и сама система сквозь пальцы смотрела на судьбу местной фауны: пташка уцелела. Стоило Дзину скрыться за дверью, как А-Эр потихоньку выпустил вполне бодрое пернатое создание на волю.

Однако произошедшее оставило на душе глубокий рубец. Он мог хладнокровно манипулировать отпетыми мерзавцами, но лишать жизни невинное существо было для него невыносимо. Беззащитная жизнь весила слишком много, и когда его пальцы сжимались на теплом тельце птицы, ему на миг чудилось, будто он душит собственных братьев и сестер из реального мира.

А-Эр горько осознал: суррогаты не заменят настоящих чувств. Ему пришлось признать очевидное — он страдал неизлечимым сестринским комплексом. Ради своей настоящей семьи, состоящей сплошь из безгрешных праведников, он готов был пойти на плаху. И пускай на людях он носил такую же маску святоши, в глубине души он оставался черным рыцарем, готовым безжалостно пускать кровь любому, кто замыслит против них зло.

Именно поэтому в реальности те редкие люди, которым довелось узнать его изнанку, шепотом нарекли его:

****[Паршивая овца среди святош]****

****[Цепной пес праведников]****

****[Черный рыцарь в белоснежных одеждах]****

В этом вымышленном мире его старшим братом стал Дзин — человек, который тащил его на себе с младенчества. А-Эр невольно привык опираться на него, проецируя все нерастроченные родственные чувства на этого холодного подростка.

Но они были слеплены из разного теста. Дзин — законченный, прирожденный злодей, безжалостный хищник, способный растерзать любого праведника. Для А-Эра, поклявшегося быть щитом для безгрешных душ, его названный брат в конечном итоге неизбежно стал бы врагом.

Клубок противоречивых эмоций душил его, заставляя инстинктивно прятать голову в песок и бежать от реальности.

Но Дзин быстро рос в глазах Того Господина, и вскоре выбил себе дозволение навещать младшего брата.

Каждый раз, приходя в стерильный бокс и видя бледного, едва дышащего А-Эра на жесткой кушетке, Дзин мрачнел так, словно готов был лично вырезать половину научного персонала.

А-Эр славился феноменальным болевым порогом, но не железным здоровьем. После очередного эксперимента он мог лишь безвольно лежать на простынях, не в силах даже разлепить сухие губы.

Тогда Дзин касался его лица своими холодными, покрытыми жесткими мозолями ладонями. Его пальцы, словно сытые змеи, скользили по бледной коже, оглаживая свежие рубцы от инъекций, а с губ слетал тихий, вкрадчивый шепот:

— Скоро я получу имя. И тогда я заберу тебя отсюда.

В ушах А-Эра это обещание отзывалось зловещим:

«Тебе от меня не скрыться».

«Нужно бежать, — лихорадочно соображал А-Эр. — Если останусь, мы оба рухнем в бездну».

Он не сомневался в решимости брата. Но прекрасно понимал, что даже если Дзин получит чертов код и заберет его из лаборатории, они все равно останутся по уши в грязи Организации.

Им было не по пути. Следовало немедленно составить план.

Имена ученых в белых халатах в голове А-Эра не задерживались — для него они были не более чем безликими статистами на заднем плане.

Что же касается других подопытных... Для простоты надзора детей распределяли по секторам. В те редкие дни, когда его самого оставляли в покое, А-Эр пытался наладить контакт со сверстниками по несчастью.

Увы, большинство «номеров» пребывали в глубокой апатии. Изнуренные болью дети безучастно смотрели в потолок и не горели желанием общаться со странным малым. Едва ли не единственной, кто сохранил крупницы рассудка и не прочь был поболтать, оказалась молодая особа по имени Вермут.

Шептались, будто она была одним из первых успешных образцов Организации — ее тело не старело, застыв в вечной юности уже много лет. Вероятно, именно поэтому Тот Господин относился к ней с особым трепетом. Ее оберегали от калечащих процедур и осыпали мелкими привилегиями, боясь потерять столь редкий и ценный экземпляр.

Реальный возраст этой девицы наверняка перевалил за отметку, когда Дзин еще под стол пешком ходил, так что на А-Эра она смотрела как на забавного карапуза.

При этом А-Эр испытывал к ней странную, интуитивную тягу. Такое чувство близости у него всегда ассоциировалось исключительно с кровным родством.

«Смешно, конечно. Не может же она быть моей сестрой, ха-ха».

Впрочем, Вермут и сама относилась к нему двояко. Поначалу ее интерес подпитывался лишь фигурой Дзина.

О пугающей жестокости и невероятных способностях старшего брата А-Эра шептались даже яйцеголовые лаборанты. Жаль только, пустить Дзина под скальпель им никто бы не позволил.

Движимая праздным любопытством, Вермут сблизилась с А-Эром, но вскоре эта поверхностная заинтересованность переросла в нечто гораздо более глубокое.

Когда А-Эр метался в бреду после тяжелых процедур, сжавшись в комок на жестком матрасе, она тихо сидела рядом, ухаживая за ним с щемящей нежностью товарища по несчастью. В такие минуты А-Эр почти верил, что у него появилась любящая старшая сестра.

Однако стоило его телу начать стремительно адаптироваться, а показателям выносливости поползти вверх вопреки всем законам биологии, как взгляд Вермут неумовимо изменился.

А-Эр не умел читать чужие мысли, но отчетливо видел промелькнувшую в ее глазах искру ненависти.

Эта злоба, впрочем, не была направлена на него лично. Вермут словно смотрела сквозь него на кого-то другого, затаившегося в тени его прошлого.

Несмотря на это, она продолжала заботиться о нем. Вот только ее вопросы порой ставили А-Эра в тупик.

— Ты хоть знаешь, кто твоя настоящая мать? — как-то невзначай спросила она, меняя ему компресс на лбу.

— И как ты жил до того, как тебя упрятали в эту дыру?

— Скажи... при тебе когда-нибудь появлялся человек, любящий ворон?

А-Эр в ответ лишь недоуменно хлопал глазами.

Вермут лишь тяжело вздыхала и досадливо качала головой, безмолвно сетуя на собственную глупость — ну о чем расспрашивать несмышлениша?

«Ну о чем расспрашивать несмышлениша?»

Она ласково касалась его лба, проверяя, спал ли жар.

С каждым днем ее движения становились все нежнее и увереннее. Порой, сталкиваясь в палате с угрюмым Дзином, они вполголоса обсуждали состояние больного. Глядя на них, А-Эр невольно переносился в реальный мир, вспоминая, как его настоящие братья и сестры точно так же суетились вокруг его постели во время простуды. От этих мыслей на сердце становилось совсем тошно.

Дни сменялись неделями. В тишине стерильного бокса А-Эр по крупицам выстраивал план побега. Чертеж его будущей свободы еще не был закончен, когда в исследовательский сектор Организации неожиданно прибыла группа новых ученых.

Высшее руководство распорядилось свернуть проект человеческих экспериментов.

А-Эр мгновенно сообразил: лучшего шанса заявить о себе и раствориться в ночи ему уже не представится.

<http://bllate.org/book/18335/1760534>